

Китайский нигилист

То, что происходит в Китае, нескрытая вражда к европейцам, воинственный национализм Кантона, опирающийся на воинственный интернационализм Москвы, междоусобия и угрозы Европы, все это не может не волновать тех, кто любит ритм христианской цивилизации.

Что они хотят? Что несут миру? Какие вожди спланируют и ведут этот новый прибой восточных азиатских народов?

Сейчас в Англии читаешь лекции доктора Ху, один из идеологов молодого Китая, или китайского Ренессанса, как они довольно неправильно назвали свое движение.

Оно началось совсем недавно, в 1917 году. Это смесь национализма с интернационализмом, огромной национальной самоуверенности с рвовой критикой всего китайского. Впрочем, не только китайского, а вообще всего, что создавали, чьей дорожкой, чьей жели люди в течение тысячелетий и в Европе, и в Азии, и восток. Исключение дается только для большевистской Москвы.

Нелегко европейцу понять восточного человека. Иная культура, выработавшая иные способы и скрывающая свои мысли.

Но, признаюсь, когда я встретила д-ра Ху, я ощутила не столько впечатлительное, сколько острое, тревожное сознание его духовного родства с русскими интеллигентами.

Доктор Ху еще сравнительно молодой человек, лет 35-ти, но его гладко выбритое смуглое лицо, напичканное ладными самбирскими инородцами, выглядит молодо. Умные глаза с холодной пристальностью, смотрящие из-за круглых больших очков. Точно в дупло разглядываешь окружающую. Край черешковой справки наверху плотно принадевает к рваным выступам глазных впадин, внизу же — медвежье рвко выступающим скулами. По всему миру носят теперь такие очки, зовут их американскими, хотя на самом деле — это древнее китайское изобретение, гораздо лучше приспособленное к азиатскому, чьм к европейскому складу лица. Но, вгляд, теперь все переиначилось: расы, племя, классы, люди, интереси.

Современному наблюдателю порой так же трудно разобрать, где проходят эти границы, замаскированные, умышленной и духовной завесы, как трудно историку проследить пути влияния величия или романтизма.

Судьба вывела доктора Ху, откуда то из китайской глуши, пропитанной древней, часто диаволической бытовкой и семейной костью, провела его через многолюдство американской высшей школы, тдв в противоположность Англии, — мол, даже только учить, но не воспитывать, и сглаза из него не только профессора истории и философии, автора китайской книги, но и политического вождя. Онь сам признает, что культурное возрождение Китая так тдно переделано от политики, что раздвигать их почти нельзя. Причем под возрождением онь о люд не подозревает какое бы то ни было возвращение к прошлому (тньм было Генесанс европейский), а скорее то полное и абсолютное отложение от традиций, которые попытаны продвять большевики над русскими народами.

Своих симпатий к большевикам доктор Ху не скрывает. Онь считает, что они удачно справляются в России с проблемой социалистического государства и, главное, онь видит в них единственную опору друзей молодого Китая.

Без материальной помощи большеви-

ков, без их инструкторов и военной снабженки, кантонская армия — а ее считает доктор Ху армией национально- — не могла бы одерживать победы.

Но больше всего прядает онь значению политическому инструктору большевиков. Они открыли китайцам секрет организации.

В течение тысячелетий миллионы китайцев представляли из себя чуждое, чужую пыль и только теперь новые вожди научились цементировать ее, сплачивать единичи в послушную массу.

И, в частых беседах и в публикациях выслушавши, доктор Ху подтверждает, что его социализм ближе всего к коммунизму. Онь говорит о переделке всех члностей, о том, что главными двигателями молодого Китая, надо считать социализм, критическую мысль, бунтарство.

На мьсто отряхнувшей западной цивилизации, пора выдвигнуть новую (евразийскую?), основанную на науке и демократии. Но для него демократия совсем не связана с свободным волеизъявлением всего народа.

Онь откровенно заявляет, что вся суть в крйком, сплоченном меньшинстве, на котором, массы, если уметь за них вглядеть, неизбежно пойдут. Китайская революционная демократия безусловно топталась на мьсте, пока не усвоила сути большевистской тактики — что политическое командование народными движениями требует такой же военной дисциплины, как командование армией.

Как только китайские националисты поиди этой основной принцип коммунистической милитаризованной политики, они сразу ожили и создали сильную победоносную партию Куо-Минь-Тань.

Это средство души и понятий не ограничивается ничьими крайними русскими социалистами.

Доктора Ху и его единомышленников связывают с московскими коммунистами вплоть до лане, практическое сотрудничество и обаяние, хотя исторически, различия, ненависть к капиталистической Европе.

Меня гораздо больше поразила психологическая близость между идеологом молодого Китая и старым русским интеллигентом. Не с добродушными тургеневскими Базаровыми, а с подлинными живыми нигилистами, с Нечаевыми, этим духовным оцмьм свирьлого аларизма русских большевиков.

В революционном катехизисе этого мрачного пугьбра, говорилось: «Революционер презирает и ненавидит во всех побуждениях и продажах нибьшую общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции... Все нибьшая, нибьжающая чувства родства, дружбы, любви, благодарности, даже самой чести, должны быть заданы в немь единою холодной страстью революционера».

Слова молодого ученого дышали этим холодным презрением ко всему, чьм ждал его родной Китай.

Семья, бить, политика, религия — все на слово, все надо свести, разрушить. Кь религии онь относится с высокомерным пренебрежением атеиста. Туть ему и ломать было нечего, так как онь вырос вь религии.

Я спросила: — Когда вы были ребенком, мать учила вас молиться?

Онь засмьлся, едва сдерживая свое пренебрежение к такому нелбому вопросу.

— Нть. У нась этого не дьлают. У

Признания советского генерала

В Руде приведена вторая, тоже весьма интересная, беседа с советским генералом.

На этот раз генерал занял реабилитацию русского генерального штаба, очутившагося у коммунистов и очень много мьста убьлает самооправданию.

Это, конечно, чрезвычайно показательно.

Именно о таких людях и сказал апостол Павел:

«Бьгают нечестивый, ни единому же голашу».

Вот как оправдывается генерал:

— Никогда не спрашивайте у старых офицеров, оставшихся на советской службе: «почему вы не бьжете?»

— «Вьдв такмь вопросом вы рьжете по живому мьсту. Слава Богу, что мы не бьжали и 99 проц. гештабистов и кадровых фронт-люков осталось в центре. Все не могли бьжать. Куда бьжать? Вьдв это был бы бьт на мьсте и вь результате, Россия сдьлаась бы ареной между народных хищников и царством атаманин, а теперь у нась есть первоклассная армия».

— «Мы не цедьмеем ушедших из России, и мы не отнимаем идеализма и жертвенности у бьжущ, но не даюи себя переопределять. Вьдв, мой родной сын ираненный коринловец, мой брат дроз довец, а вьдв мы разными путями шли к одной и той же дьли — к восстановлению и величю России...»

Я не вижу никакой надобности спорить с советским генералом: дьло говорит само за себя. Но эта непреодолимая потребность его вь оправдании очень типична.

Да именно о таких случаях и сказал апостол Павел:

«Бьгают нечестивый, ни единому же голашу».

Одно только для меня не подлежит никакому сомнению:

— Генерал напрасно, совьсьм напрасно говорит о «величии России».

И бы на его мьсте не говорил.

— Почему?

— Да потому, что эта большая неосторожность.

Как, вь самом дьле, прикажете связать вь одно дьлое горячая слова о «величии России» с нижеизложенным признанием генерала:

«Начальник советского генерального штаба, генерал Раттеле, имьеть обьщеповне у Иверской Иконы Божьей Матери, отдавать множество повелов, что вываало неудовольствие коммунистов. Мало того, онь совершил еще более тяжкее преступление — онь принял патриар-

шее благословение. После этого, предсдатель Реввоенсовьта, Троцкий, раскьпек его на чьмь сьтть стоить. Генералъ нашься и сказал:

— Левь Давьдыч, вы мьмьшаете выполнять возложенную на нась задачу. — То есть, как? — спросил военкомъ.

— Я все время молю Господа Бога, что бы Онь помог вамь рабвить Деникина, а вы мьмь палки вь колеса ставите».

Троцкий расмьлся и возразил:

— Если вы, генералъ, вьрите, что это поможет, молитесь дальнее...»

Какъ видите, туть можно говорить о чьмь угодно: о гнусном рабстве, о дьявольской безлнчности, о готовности продать свою вьру за одну улыбку «Льва Давьдыча».

Но, не вьдв, неприлично, немьслимо, говорить о «величии России»...

— Нехорошо-сь, генералъ. Совьсьм нехорошо вы это повернули. Ужь, если хотите быть Пересвьтовъмь и Ослабей вь советскомь стань, то не рассказывайте, по крайней мьрв, такмь анекдотомь о Раттеле: оть нихь холемь вьлетаеть.

Но... будемь думать, что эта лишь простая ошибка вь перспективь. Генералъ сьшкомь пртерпелся к советскимь за ладямь и теперь уже не замьчаеть, что этоть удручающий запахь сльдуеть за нимь повсюду.

Будемь думать, что не все генералы похожи на Раттеле, и что любовь к Родинь и мечта о «величии России» — не пустые слова, и что они живут и вь красивой армий.

Не можеть быть, чтобы ньсколько миллионов коренныхь русскихь людей, давьдв солдатскихь шинели, забыли о России.

Не можеть быть, чтобы русская армия сдьлаась партийной армией.

Чась испитания прьдеть — онь уже близокъ — и я вьрв, что когда надо будеть выбирать между воротничкомь Коминтерна и поруганной Родиною, то русская армия скажеть свое полное, свое последнее слово...

Александр Яблоновский.

РАЗНЫЯ ИЗВЪСТІЯ

— Ушедший вь отставку бельгийский министр финансовь Франки вь ближайшее время займеть постъ директора бельгийского национального банка.

— Вь Румынии около Тульчи умерла женщина 135 лть.

— Английская и американская газеты удьляютъ большое внимание переписку, которая произошла между королемь Альбертомь и Фомемь.

Самъ Нечаевъ ньсколько лть спустя умер вь крпости. Онь былъ морально зумаспедшй, но волевой, по своему логический человекь.

Лепнищъ былъ его прямымь порождениемъ. И вотъ теперь вь чужомь, далекомь, казалось, такмь несхожимь сь Россией, Китае, разрагается влияние наиболее ядовитыхь, разрушительныхь, недобрыхь русскихь умовь.

Когда то Вл. Соловьевъ сь жуткой тревогой прьглядывался кь тому, что творится на Востоке и сь горечью писалъ: «...И желтымь дьтмьмь на забаву даны ключи твоихь знаменъ...»

Исторический процесс, которому мы поставлены свидетелями и участниками, оказьлся, куда сложнее и страшнее пророческихь предвдньй Вл. Соловьева!

Ариадна Тырнова.
Лондонъ, 14-XI-26.

Критикамъ И. А. Ильина

Трудно указать современную русскую книгу, которая вызвала бы столь ожесточенные нападки, как книга проф. И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» (*). Вь нападкахъ этихъ проявлено очень много злобы по адресу автора и защищаемой имь идеи. И что любопытно. Вся эта злоба изливается во имя христианства. Это злобо во всехъ этихъ нападкахъ чувствуется глубокая фальшь. Я имью вь виду выступление противъ Ильина «Пути вь лицъ Н. А. Бердяева, замьтку Ф. А. Степуна «Обь общественно-политическихъ путяхъ», вь последней книжкь «Современ. Зап.», гдъ Степунъ восклицаетъ «превосходной отповдью», данной Ильину Бердяевымь, «изъ глубины христианскихъ чувствъ», наконецъ, «отповдь» Ильину со стороны проф. В. В. Зыньковского вь той же книжкь «Современныхъ Записокъ».

Все эти «превосходныя отповди», если бы онь оказали влияние, достигли бы только одного. Это — захвативъ людей только на христианство, размячили бы руку народа, собирающаго силы для свержения вьпавшаго вь него жестокого прага.

Получается наводнение на грустныя размышления положение. Большевики обманули русскихъ простыхъ людей, пообещавъ имь свободу, равенство и братство. На эту ложь они поймаи народъ, обьслали его и сейчасъ сосутъ его трудъ и льютъ его кровь для того, чтобы быть у власти. Но туманъ разсьвается, Массы уже видятъ обманъ и крпятся «народный гньвъ». И вотъ вь это время каждый призываетъ кь борьбе находить здьсь, вь эмиграции, цьлую группу религиозныхъ писателей, вьроучителей, и свьтскихъ «пророковъ», прилагающихъ все усилия, кь тому, чтобы ссылки на христианскую любовь отвести оть большевиковъ заносимый надъ ними мечъ истории. Когда же Ильинъ выступилъ сь книгой, доказывающей христианскую правду и праведность этой борьбы, свьтские «пророки» потеряли всякое самообладание.

Куда дьвалась ихъ христианская любовь и незлобность, на которая они такъ усиленно ссылаются? Почему эти люди считали вь свое время моральной и христианской, напримеръ «Думу народного гньва», а призываетъ Ильина кь священной борьбе считаютъ кощунствомъ? Почему требующие сейчасъ христианской любви, сотрудничи «Современныхъ Записокъ», не вспоминали обь этой любви, когда ихъ товарищи по журналу, если не по партии, признавали возможнымъ бросать бомбы вь выходящихъ изъ церкви губернаторовъ, разрывая при этомъ ни вь чьмь не повинныхъ молящихся. Вотъ эти дьв мьрки у разсматриваемыхъ писателей уничтожаютъ всякое добрье кь ихъ писанинъ и ссылакамъ на христианство.

Однако такія писанія — мы увьрены — не поколеблютъ вьру русскихъ людей вь правоту и праведность активной борьбы сь большевизмомъ. И, когда представится возможность подлинной борьбы оруjemь, вьроующихъ русскихъ воиновъ не обмануть заявленія о «сблзнь национальной», о «ложной романтикь государственности», о томъ будто «путь православия есть путь... отступления передъ буйствомъ злыхъ силъ» и будто «острое непримиренчество и правда Христовой любви сь трудомъ могутъ ужиться одно сь другимъ». Не остануть ихъ и то заявленіе, которое нельзя не назвать дерзкимъ вь устахъ мирянина

«Помьщая статью почтеннаго А. Д. Билимовича, редакция имьеть вь виду вернуться кь предмету спора, явно возбудившаго большой интересъ вь Зарубежь. Ред.

Германская ж. д. вьследствие усиленной перевозокъ угля для Англии заработала за время английской забастовки 100.000.000 марокъ.

— Болдинъ вь Палатъ Общинъ заявляетъ, что правительство не собирается обсуждать вопроса о прорытии канала подь Ламаншемъ.

— Количество безработныхъ вь Англии достигаетъ 1.563.000 человекь, что на 3.700 больше чьмь было вь предыдущую недьлю и на 364.000 больше чьмь было вь это же время вь прошломъ году.

запугиваемъ, а именно, будто «благословение церкви на участие вь войнъ... не снимаетъ ответственности на Страшномъ Судь». Лучше будетъ думать о своихъ отьбьтахъ. А воиномъ, готовымъ за народъ свой и за вьру отьцовъ жизнь свою положить, предоставимъ самимъ дать Богу отьбть. Невьзвѣстно кому легче будетъ предстать передъ Судьей Правдымь и кто будетъ ближе сердцу Судьи: такой воинъ, или профессоръ, вь жизненныхъ удобствахъ читающийъ этому воину христианскія мотали.

Напрасно также критики противопоставляютъ понятія «христолобиваго воинства» и «православнаго меча» признавая первое и отвергая второе. Тожество этихъ понятій многократно засвидьтствована вь русской историй. Развѣ не яркое свидьтельство этому было, когда наиболее чтимый русский свьтитель не только благословилъ русскаго князя и его воинство на бой сь поработи телами, но и послалъ князю двухъ молодыхъ сильныхъ иноковъ, послать ихъ на бой, т. е. убивать враговъ. Развѣ не запечатлѣна эта тождественность тьми многочисленными и какъ разъ морально наиболее высокими представителями православнаго духовенства, которые вь качестве военныхъ священниковъ не только молились за воиновъ, но только причащали больныхъ и умирающихъ, не только хоронили умершихъ, но сь подлостью крестомъ шли впередъ и вели людей вь бой, то есть, не только умирать, но и убивать «за Русь святую и за вьру православную». Это ли не сляние, кровью этихъ служителей церкви и кровью воиновъ за печальное сляние, «христолобиваго воинства» и «православнаго меча»?

Такъ строилась и создавалась Русь. И что бы ни писали мнѣше себя новыми пророками православия — такъ будетъ она и возрождена. Какое то воинство, которому вь концѣ концовъ тошно станетъ быть интернациональнымъ «краснымъ» и которое неудержимо потянетъ вновь стать русскимъ «христолобивымъ воинствомъ», — это вновь вышедшее себя воинство сь мечомъ, осияннымъ православнымъ крестомъ, подыметъ борьбу за освобождение своей православной Руси.

И все слабые и жалкіе должны сь величайшимъ почтениемъ преклониться передъ такой борьбой, какъ передъ подлинно христианской. Ибо именно о ней сказано Христомъ: «никто же больше сья любви имьеть, да кто душу свою положитъ за други своя». Все мы должны посылно помогать дьлу этой борьбы. Ибо она трудна, врагъ хитеръ и жестокъ, а силы нашихъ борцовъ разрознены и большевизмъ шпюнажемъ постоянно высьбьживаются.

Книга профессора Ильина «О сопротивлении злу силой» есть идеяная помощь дьлу этой борьбы. А потому тяжкй грѣхъ беретъ на свою душу тотъ, кто при столь тяжелыхъ условияхъ морально расслабляетъ собирающихъ силы, доказывая имь, будто борьба противъ христианства, которое допускать лишь путь «отступления передъ буйствомъ злыхъ силъ».

Проф. А. Билимовичъ.

ЗИМНЯЯ НОЧИ

I И НЕЙ

Льса вь жемчужномь иньѣ. Морозно.
Поеть изъ телеграфнаго столба.
Го весело, то жалобно, то грозно
звенящимъ гуломъ тьнная судьба.

Молчить и внемлетъ бьлая долина —
И все поблднй, ярче и пышнйѣ
Горитъ, дрожитъ и бьлаещъ хвостъ павлинъ
Стоцьвѣтными алмазами надъ ней.

II ПОЗДНЯЯ ЗВЪЗДА

Черныя ели и сосны
сквозить вь палисадникѣ темномъ
Вь черномъ узорѣ нтьвей —
мьсяца рогъ золотой.
Слышу — поютъ пьтухи:
узнаю по напѣвамъ печальнымъ,
Позднюю зимнюю ночь —
что жь разбудило меня?
О, я скворецъ сонъ уловилъ:
настаетъ сокровенный и чуткий
Чась угасанья луны:
вь сумракѣ спялнн разлить
Свьтъ золотистый, и тьнь
отъ рамъ на полу чьтъ замьтна —
Значить, мнѣ время вставать.
Звонко теперь на дворь,
Замерло все и застыло,
лучатся жестокія звьзды,
Но до костей я готовъ
вь легкомъ промерзнуть мьху,
Только бы видьть тебя,
умирающий вь золотѣ мьсяца,
Золотомъ блещущий свьтъ,
легкия тьни березъ —
И самоцвѣты небесъ:
янтарно-зеленый Юпитерь,
Спривьсъ, дерзкий сапфиръ,
синимъ горящій огнемъ,

Алдебарана рубинъ, алмазную цьль Орiona И уходящій вь мори призракъ сребристый, Арго.

III СНЪГУРЪ

Вь часть ночи, зимней, деревенской, до кабинета стараго дома доносится изъ дальнихъ комнатъ жалобный дьтский плачь. Домъ, усадьба, село — все давнымъ - давно спитъ. Не спитъ только Хрущевъ, — у него безсонница. А плачетъ кто-нибудь изъ его маленькихъ племянниковъ. И, рассьяно положивъ карандашъ на столъ, останавливаетъ Хрущевъ уставые глаза на огонькѣ свьчей: — Какъ все прекрасно! Право, даже этимъ голубымъ стеариномъ, свьчами можно восторгаться!

Огни, ихъ золотисто-блестящія острей сь прозрачными ярко-синими основаниями, слегка дрожатъ, — и сльпитъ глинивоветный листъ большой французской книги. Хрущевъ подоситъ кь свьчѣ руку: — становятся прозрачными пальцы, розовотъ краядьлаонн. И онъ, какъ вь дьтствѣ, засмьтривается на ньжну, ярко-алую жидкость, которой свьтится и сквозитъ противъ огня его собственной жизни.

Плачь раздается громче, жалобный, умоляющій.

Хрущевъ встаетъ и идетъ вь дьтскую. Онъ проходитъ темную гостиную, — чуть мерцаютъ вь ней подвьски люстры, зеркало, — проходитъ темную диванную, темную залу, видитъ за окнами лунную ночь, ели палисадника и бьладо-бьлые пласты, тяжело лежащє на ихъ черно-зеленыхъ, длинныхъ и мохнатыхъ лапахъ. Дверь вь дьтскую отворена, лунный свьтъ стоить тамъ тончайшимъ ды-

момъ. Вь широкое окно безъ занавѣсокъ просто, мирно глядитъ снѣжный озаренный дворъ. Глубовато бьлѣютъ дьтскія постели. Вь одной крйкомъ спитъ Стасикъ, вь другой Лиля. Спать и деревянные кони, спитъ на спинѣ, закинувъ свои круглые стеклянные глаза, бьловолосая кукла, спитъ коробокъ, которая такъ заботливо собираетъ Коля. Онъ-то и проснулся, — самый маленькій, самый впечатлительный, худенький, большеголовый, сь большими карими глазами. Какъ всегда, онъ внезапно поднялся, сьль на постели — и заплакалъ горько, безпомощно. Онъ протягиваетъ кь дядѣ ручки и заливаясь еще жалобнѣе, а самъ спитъ, спитъ.

— Вь чьмь дьло, дорогой мой? — шепчетъ Хрущевъ, садясь на край постели, вытирая платкомъ личико ребенка и обнимая его шупленькое тьльце, такъ трогательно чувствуется сквозь рубашечку своими косточками, грудкой и бьющимися сердечкомъ.

Онъ беретъ его на колѣни, покачиваетъ, осторожно дьлуетъ. Ребенокъ прижимается кь нему, дергается отъ всхлипываний и понемногу затихаетъ... Что это будить его, вотъ уже третья ночь?

Луна заходитъ за легкую бьлую зыбу, лунный свьтъ, озаряющий дьтскую, таетъ, бльднѣетъ, меркнетъ, — и черезъ мгновение опять растеть, ширится. Опять загораются полоконики, косые золотые квадраты на полу. Хрущевъ переводитъ

взглядъ сь пола, сь подоконника на раму, видить свьтлый дворъ — и вспоминаетъ: вотъ оно что, — опять забыли сломать это бьлое чудовище, что дьти сбили изъ снѣга, поставили среди двора, противъ окна своей комнаты! Днемъ Коля бьзоянно радуется на него, — это человекообразный обрубокъ сь бычьей рогатой головой и короткими растопыренными руками, — ночью, чувствуя сквозъ сонъ его страшное присутствие, варгуть садится на постели и, даже не проснувшись, заливаясь горькими слезами. Да снѣгуръ, и впрямь, страшнѣе ночью, особенно если глядѣть на него издали, сквозь стекла: рога поблескиваютъ, отъ головы, отъ растопыренныхъ рукъ падаютъ на яркй снѣгъ черная тьнь. Но попробуй-ка сломать его! Дьти будутъ реветъ сь утра до вечера, хотя онъ, все равно, уже таетъ понемногу: скоро весна, мокнуть и дьмяться вь полдень соломенная крыша...

Хрущевъ осторожно кладетъ ребенка на подушку, креститъ его и на цыпочкахъ выходитъ. Вь прихожей онъ надьваетъ оленью шапку, оленью куртку, застегивается, поднимая черную узкую бороду и думая: сломать или нть? Потомъ отворяетъ тяжелую дверь вь сьни, идетъ по скрипячѣ тропинкѣ за уголь дома. Луна, не высоко стоящая надъ рьдкимъ саломъ, что сквозитъ на бьлыхъ сугробахъ, ясна, но по-мартовски бльдна и спокойна. Равнинки легкой облачной зыби тянутся кое-гдѣ по небосклону. Тьхо мерцаютъ вь глубокой прозрачной синевѣ между ними рьдкя голубыя звьзды. Молодой снѣгуръ чьтъ запорошилъ крпкй, старый. Отъ бани вь саду, стеклянню блещущей крышей, бьжитъ гончая Заливка. — «Здравствуй, — мысленно говоритъ ей Хрущевъ. —

Мы сь тобой одни не спимъ вь эту ночь. Жалко спать, короткая жизнь, поздно начинаешь понимать, какъ прекрасна она...»

Онъ подходить кь снѣгуру и медлитъ минуту. Потомъ рьшительно ударяетъ вь него ногою. Летятъ рога, разсыпается бьлыми комы бычья голова... Хороша жизнь, кь часу все, что мьшаетъ ея радостямъ! Еще одинъ ударъ, — и остается только куча снѣга. Озаренной лунной, Хрущевъ стоить надъ нею, и, засунувъ руки вь карманы куртки, глядитъ на блещущую крышу. Онъ наклоняетъ кь плечу свое бьладое лицо сь черной бородой, свою большую оленью шапку, стараясь уловить и запомнить отьтнокъ блеска. Вотъ бы вернуться вь кабинетъ и просто, просто записать все то, что только что почувствовалъ и видьлъ...

Потомъ онъ поворачивается и медленно начинаетъ ходить по тропинкѣ отъ дома кь скотному двору и обратно. Двигается у ногъ его, по снѣгу, косяя тьнь. Дойдя до сугробовъ, онъ пробирается между ними кь воротамъ. Онъ заглядываетъ вь щель воротъ, откуда рьзко тянетъ свьрнмь вьтромъ. Онъ сь ньжностью думаетъ о Коля, думаетъ о томъ, что вь жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно. И жадно глядитъ во дворъ. Холодно, но уютно тамъ. Подъ навьсамъ сумракъ. Сьрѣютъ вь углу сбившияся вь кучу, стоя спящія овцы. Сьрѣютъ передки телгь, засыпанные снѣгомъ. Надъ дворомъ — синее, вь рьдкьхъ крупныхъ звьздахъ небо. Половина двора вь тьни, половина озарена. И старья, косматыя бьлая лошади, дремлющя вь этомъ свьтѣ, кажутся зелеными.

Иа Буаинъ